

ИЗ ЗАКРЫТОГО АРХИВА: ДВЕ АВТОБИОГРАФИИ

ИГОРЬ ДУАРДОВИЧ
Литературовед, литературный
критик, журналист и эссеист.
Директор редакции
журнала «Вопросы литера-
туры». Родился в 1989 году.
В 2013–2019 годах работал
в журнале «Новая Юность»,
где был ответственным

секретарем и одновременно
заведовал поэтическим
отделом. Член Союза журна-
листов России. Стипендиат
Министерства культуры РФ
(2014, 2015). Биограф и иссле-
дователь творчества Юрия
Домбровского.

Получив разрешение у вдовы писателя Клары Файзулаевны Турумовой¹, когда она была еще жива, на доступ к закрытому личному делу Юрия Осиповича, хранящемуся в РГАЛИ, я, конечно же, ожидал найти там массу интересного и не ошибся, обнаружив одну из неизвестных автобиографий². Еще одна автобиография находилась в открытом фонде там же – в РГАЛИ³. Вдова хотела опубликовать ее сама в готовящемся сборнике документов и писем, но не успела. В итоге обе автобиографии вы сегодня прочтете и сравните впервые. Они очень мне пригодились для книги о жизни Юрия Осиповича, пока еще находящейся в работе.

Первая автобиография – самая подробная и самая любопытная из всех, что я видел за годы моих «домбровских» исследований. В ней не поставлена дата, однако время узнать не так трудно. Примерно его можно установить, опираясь на содержание, и сделать вывод, что публикуемая рукопись относится к раннему, еще алма-атинскому, периоду жизни и творчества. Она была подготовлена 49-летним писателем, то есть самое позднее – в конце 1948 года. О том, что это именно 1948-й, говорит еще и особый сиреневый цвет чернил – дополнительный факт, помогающий уточнить время. Дело в том, что эти же чернила писатель использовал при заполнении личной карточки, хранящейся в закрытом деле. Автобиография, судя по всему, прилагалась к карточке, на которой есть дата: 19 сентября 1948 года. Таким образом, это было накануне четвертого ареста (произойдет в марте 1949-го).

¹ Такое написание отчества – с одной буквой «л» – в паспорте. Кроме того, выходя замуж за Домбровского, она не взяла его фамилию, но использовала в дальнейшем двойную фамилию как псевдоним: Турумова-Домбровская.

² Домбровский Ю. О. Автобиография. <1948> // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 1959. Л. 11–16.

³ Домбровский Ю. О. Автобиография от 12 февраля 1969 года // РГАЛИ. Ф. 2561. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1–2 об.

О времени второй автобиографии думать не нужно, там мы находим число, месяц и год: это поздний московский период, время, когда уже был издан роман «Хранитель древностей» и шла работа над его продолжением – «Факкультетом ненужных вещей». Эта автобиография появилась на двадцать лет позже. Домбровский написал ее специально для ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ) в 1969 году, когда передавал часть рукописей на хранение.

Удивительно, как много внимания в автобиографиях уделено детству и семье – в обоих случаях более половины от всего рассказа. По свидетельству современников, писатель не любил вспоминать о ранних годах, особенно о матери. Во второй автобиографии он заявляет прямо: «Что писать о детстве? Не люблю я его». Однако в конце сороковых он не любил его как будто бы меньше: «...и все-таки годы эти были богаты и памятны хорошим», писал Юрий Осипович в первой автобиографии. На самом деле и вспоминал, и писал, и не только в автобиографиях, но и, например, в романе «Рождение мыши»¹.

Но как много мы не знали о той жизни Домбровского: о родителях, о взрослении и о первом соприкосновении с искусством – о первых художественных впечатлениях, полученных еще ребенком, о литературных кумирах и вкусах того времени, об очень тяжелых и страшных послереволюционных годах и так далее. Открылись в том числе и совершенно неожиданные сведения, такие как революционная деятельность отца, который, оказывается, не просто был эсером, но и террористку Спиридонову от тюрьмы спасал и в ссылке побывал. В общем, как мог, боролся за светлое будущее еще нерожденного сына! Информация эта столь неожиданная, что вызывает подозрения, не вымысел ли? Далила Портнова, племянница Домбровского, которую растила бабушка, то есть мать Юрия Осиповича, – единственная среди мемуаристов, кто в деталях рассказал о его ранних годах и о семье, но даже она ничего не писала об этом².

* * *

Учитывая великое множество пробелов, не удивительно, сколько ошибок и в статьях о Домбровском, и в его кратких биографиях, составленных издателями.

Недавно мне пришлось консультировать сотрудников Музея ГУЛАГа, готовящих сборник стихов и рассказов, куда как раз была включена одна такая краткая биография, составитель которой, А. В. Морозов, не только не видел свои старые ошибки (об этом ниже), но и не хотел их видеть, несмотря на уже существующие исследования, напечатанные со всеми необходимыми ссылками на источники (работа, проделанная вашим покорным слугой за последние пять-шесть лет).

Эти ошибки были допущены еще в первой краткой биографии (подготовленной при участии вдовы) в книге стихов Домбровского «Поэт и Муза», вышедшей в 2019 году³, о чем я упоминал вскользь в статье в «Вопросах литературы»⁴.

¹ См. главу «Царевна-Лебедь».

² Портнова Д. О Юрии Домбровском. Воспоминания // Новый мир. 2017. №7. С. 88–132.

³ Морозов А. В. Биография Ю. О. Домбровского. Основные даты жизни и творчества // Домбровский Ю. О. Поэт и муза. Оренбург: Оренбургское книжное издательство имени Г. П. Донковцева, 2019. С. 70–80.

⁴ Дуардович И. На черную доску, или Юрий Домбровский в архивах ВГЛК (1925–1929) // Вопросы литературы. 2020. №3. С. 213–277.

Так, у Морозова:

- 1) Домбровский окончил вуз в 1928 году. Сегодня мы знаем, что в этом году он был отчислен¹;
- 2) он учился в вузе при вузе: «Высшие государственные литературные курсы (ВГЛК. – *И. Д.*) в Москве при Высшем литературно-художественном институте, организованном В.Я. Брюсовым (ВЛХИ. – *И. Д.*)». Однако ВГЛК как раз пришли на смену прекратившему существовать ВЛХИ²;
- 3) он поступает в ЦЕТЕТИС (нынешний ГИТИС) в 1929 году. Нет, это было в 1931-м;
- 4) он был арестован и сослан в 1932 году. Не сослан, а выслан (административная высылка, как известно, существенно отличается от ссылки, более сурового наказания)³;
- 5) он работает в Центральном музее Казахстана начиная с 1933 года, прямо как в романе «Хранитель древностей», – однако по документам он был принят на работу в музей в 1938 году⁴;
- 6) второй раз был арестован в 1936 году; на самом деле – в 1935-м⁵;
- 7) на Колыму попадает в 1939 году; на самом деле – в конце 1940-го⁶;
- 8) освободившись из лагеря в 1955 году, он якобы настолько здоров и полон сил, что сразу начинает разъезжать по литературным делам между Алма-Атой и Москвой. В действительности он вернулся в Москву, в квартиру матери, затем в течение еще года лечился и начинал жить заново: болел, занимался реабилитацией, возвращением рукописей и восстановлением в Союзе писателей⁷;
- 9) в 1956 году он полностью реабилитирован. На самом деле это случится аж в 1991-м (приговор по первому делу 1932 года будет отменен уже после смерти писателя, годы спустя)⁸;
- 10) получает комнату от Союза писателей в 1958 году. Нет, это было в 1957-м;
- 11) 12 ноября 1961 года умирает его мать. Нет, это было 17 ноября⁹;
- 12) роман «Хранитель древностей» начат в 1961 году. На самом деле в конце 1950-х (речь о романе, например, идет в одном из писем А. Жовтису, датированном маем 1958 года)¹⁰;
- 13) договор на роман «Факультет ненужных вещей», продолжение «Хранителя древностей», заключен в 1964 году, сразу после публикации «Хранителя». Нет, договор был подписан в 1966-м;
- 14) нападение в автобусе 9 ноября 1976 года на самом деле произошло в 1977-м¹¹.

Вот некоторые ошибки из первой краткой биографии 2019 года, многие из которых могли бы повториться и в новой книге, если бы не усилия со-

¹ Дуардович И. На черную доску, или Юрий Домбровский в архивах ВГЛК (1925–1929) // Вопросы литературы. 2020. № 3. С. 213–277.

² Там же.

³ Дуардович И. Дело «Хранителя древностей» // Вопросы литературы. 2021. № 4. С. 239–286.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Дуардович И. Жалоба Юрия Домбровского Генеральному прокурору СССР // Вопросы литературы. 2021. № 6. С. 208–251.

⁸ Дуардович И. Юрий Домбровский: арест в Мертвом переулке // Вопросы литературы. 2019. № 3. С. 240–271.

⁹ Портнова Д. О Юрии Домбровском.

¹⁰ Дуардович И. Письма Хранителя. Из переписки Юрия Домбровского с друзьями и коллегами о романе «Хранитель древностей» и не только // Вопросы литературы. 2022. № 4. С. 238–282.

¹¹ Некипелов В., Осипова Т. Причина-78 // Библиотека Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете. Архив самиздата. Выпуск № 2. № 3438. 12.01.1979. Шифр: all 414.0 emi 837. С. 5.

↑
Первая страница автобиографии 1948 года из закрытого архива в РГАЛИ

→
Домбровские Иосиф Витальевич, Лидия Алексеевна и их сын Юрий. 1913 год, Москва. Фото В. Иванова. Из семейного архива Д.Ц. Портновой, племянницы писателя

попытку освободить на станции «Зима» М. Спиридонову¹. Ссылку он отбывал в Якутске и был амнистирован: его мачеха приехала в Петербург, нашла какой-то комитет Марии Федоровны² и вымолила ему прощение. Так по крайней мере вспоминается мне из рассказов бабушки.

Отец окончил Московский университет и стал адвокатом; однако, видимо, от революционных кругов не отошел и первое мое воспоминание в жизни такое: мать подводит меня к кровати со сбитым красным одеялом и говорит: «Сегодня пришли и увели отца». Выпустили его через несколько дней, и дело окончилось ничем, но брали его до 1917 года еще несколько раз.

Мать моя имеет куда более простую биографию. Она была учительницей в старших классах гимназии; ее лишили места за то, что она вышла замуж за отца. Этого я, конечно, не помню. Жили мы в Москве около Сухаревой башни. После революции отец работал в Петербурге в ЧК. Кем он был там, не знаю, но помню хорошо, что расследовалось тогда дело царских министров – отец

¹ Мария Александровна Спиридонова (1884–1941) – революционерка, террористка, с 1917 года была одним из руководителей партии левых эсеров. В 1906 году Спиридонова стала кумиром либеральной и социалистической общественности – журналы того времени уделяли ей целые полосы. Из револьвера, спрятанного в муфте, она застрелила советника тамбовского губернатора и черносотенца Гавриила Лужевского, отличившегося жестоким подавлением крестьянских восстаний в Тамбовской губернии. Советник был смертельно ранен пятью выстрелами. Спиридонову сначала приговорили к повешению, но затем заменили казнь на бессрочную каторгу. По словам Домбровского, его отец пытался освободить революционерку на станции Зима, в связи с чем вспоминаются слова Эренбурга из книги «Люди, годы, жизнь», писавшего об особой романтике эсеров и вспоминавшего те же годы: «...я был занят одним – сравнивал программы эсдеков и эсеров. За последних была романтика: боевые дружины, террор, роль личности. Но мне они казались чересчур романтическими...» В будущем станцию Зима и одноименный городок воспевает поэт Е. Евтушенко, прошедший здесь часть детства: «Зима – солидный град районный, а никакое не село». Однако в то время, когда Иосиф Витальевич, отец Домбровского, попытался совершить свой подвиг, это, конечно, еще было село, расположенное не слишком далеко от Иркутска, его родного города.

² Видимо, речь о Марии Федоровне, императрице и супруге Александра III, матери императора Николая II.

написал записки, но куда они девались, не знаю¹. Помню отчетливо, как он читал вслух страницы о допросе Штюрмера². Затем отец стал болеть – у него открылся рак дыхательных путей – работа юриста стала ему не под силу, – он перешел в систему Потребсоюза (это была мечта всей его жизни – кооперация). Родители матери жили в Самаре, к тому времени уже освобожденной от чехов – туда и послали отца, – видимо, мать желала отсидеться от голода. Отец умер в первый же год³.

Мать поступила работать в университет – она читала все биологические дисциплины – преподавателей не было, ее ценили. Годы эти: 1919, 1920, 1921, 1922 были страшные и голодные. Помню, мать получила командировку и уехала в Москву, и мы остались ее ждать – она должна была устроить перевод в Москву. В Самаре царил страшный голод, паек давали академический, но нас было чуть ли не шесть человек, и когда мать приехала, я уже так лежал, что не мог и вставать. При мне говорила, что я умру, и обсуждала, когда же, – а я слушал это совершенно равнодушно, ибо мне было только 10 лет, и я совсем не хорошо понимал, что такое смерть и почему надо хвататься за жизнь. Потом приехала мать – все сразу переменялось, да и продовольственное положение в стране стало много легче, я встал на ноги, но от последствий этого страшного 1921 года избавиться никогда не мог⁴. До этого я был полный румяный мальчишка – после стал худ, бледен, совершенно лишен способности поправляться и обретать румянец.

В 1922 году мы уехали в Москву⁵. Я писал о голоде и о той страшной духовной анестезии, которая владела мной во время моей болезни, и все-таки годы эти были богаты и памятны хорошим. Летом жили мы на Волге в огромном яблочном саду – помню купания, ловлю селедков, которых можно было хватать чуть живых просто руками, покинутые дачи, где мы, мальчишки, были полными хозяевами и яблоки, яблоки, яблоки⁶.

К тому же времени относятся мои первые художественные впечатления – около нас был детский дом с каким-то артистическим уклоном и там иногда устраивались вечера. Помню постановку «Скупого рыцаря» и «Три смерти» Майкова. До сих пор это мои любимые произведения. Видел я еще одну странную пьесу в стихах – из жизни древних тевтонов – там были рыцари в рогатых шлемах и римляне. Помню страшное гнетущее впечатление, которое она на меня произвела. Его я пережил еще только один раз, – когда в картине «Ледового побоища»⁷ псы-рыцари режут детей, – что-то бессмысленное, жестокое, какой-то мир иных моральных закономерностей, невозможных для меня, ребенка. Что это было? Мне почему-то кажется, что это стихотворная драма Гумилева, хотя я и не читал ее никогда.

¹ И. В. Домбровский участвовал в работе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства «на правах лица прокурорского надзора, без права непосредственных предложений» и присутствовал на допросах царских министров. В той же комиссии вместе с Домбровским работал и поэт А. Блок, назначенный редактором стенографических отчетов. Блок упоминает Домбровского в дневниках.

² Борис Владимирович Штюрмер (1848–1917) в 1916 году занимал должность министра внутренних дел, председателя Совета министров и министра иностранных дел Российской империи.

³ Умер 17 марта 1920 года; Юрию Осиповичу тогда было десять лет.

⁴ Тот голод, пережитый в детские годы, не обошелся без серьезных последствий, отразившихся на здоровье. Например, в уголовном деле 1939 года есть медицинское заключение, где говорится о жалобах на истерические припадки, об эпилепсии, о том, что Домбровский считает себя больным с 12-летнего возраста, о том, что приступы повторялись у него с периодичностью в один-два года. Там же записано, что в 1932 году он лечился от истероидной формы эпилепсии.

⁵ В 1921-м.

⁶ Этот период описан в главах-рассказах романа «Рождение мыши», например в «Царевне-Лебеди».

⁷ Судя по всему, имеется в виду советский художественный фильм 1938 года «Александр Невский».

↑
Бывшее здание ННВД-МГБ
в г. Алматы
→
Домбровский в Алма-Ате
во время высылки. 1935 год

Хотел писать и мучился своей бездарностью. Больше всего любил Демьяна Бедного¹.

В Москве учился в бывшей школе Хвостова². Учился плохо, ибо был органически неспособен к точным наукам. Школой не интересовался, ибо мечтал быть актером, учил наизусть стихи и прозу – от этого память на тексты у меня и сейчас хорошая. Напарницей моей была одна известная впоследствии по кино в его немой период актриса. Готовились мы вместе. Она скоро попала на экран и стала лет на пять модной красавицей. Я так запустил занятия, что вылетел из седьмого класса³.

После года блужданий поступил на Высшие государственные литературные курсы. Там учился до 1931 года, когда их ликвидировали⁴. Учился

¹ Весьма редкое и откровенное, а потому примечательное упоминание Д. Бедного в ряду любимых авторов, говорящее о литературных вкусах Домбровского, ранние поиски которого вполне естественно завели его в стан пролетарских поэтов. В дальнейшем, рассказывая о тех годах, он Бедного ни разу не называл, разве что в беседах с друзьями: «...Домбровский был весьма широк в своих поэтических читательских интересах. Любил, например, Демьяна Бедного», – вспоминал Павел Косенко. См.: Косенко П. Письма друга, или Щедрый хранитель. Исторические хроники. Алма-Ата: Жазушы, 1990. С. 315.

² У Домбровского ошибка: не Хвостова, а Хвостовой. Школа в Кривоарбатском переулке, д. 15, описанная А. Рыбаковым в «Детях Арбата», – бывшая частная гимназия Н. П. Хвостовой, открытая в 1910 году и еще долгое время после 1917 года сохранявшая дореволюционные аристократические предметы (например, риторику, логику, балльные танцы, латынь, французский язык). В этой же школе работала учительницей Лидия Алексеевна, мать писателя.

³ Из воспоминаний Д. Портновой, племянницы Домбровского: «Только стараниями матери Юра окончил в 1926 году семилетку. Ей, как преподавателю школы и понимая сложный случай с «особенным сыном», руководство школы сделало уступки: разрешило домашнее, самостоятельное обучение. Как сегодня бы сказали – перевели на систему зачетов. Какой же это был для матери адв труд!» См.: Портнова Д. О Юрии Домбровском. Воспоминания // Новый мир. 2017. № 7. С. 92.

⁴ На самом деле поступил он в 1926 году и был отчислен со скандалом в 1928-м, а курсы были ликвидированы в 1929-м. Об этом я подробно писал в статье «На черную доску, или Юрий Домбровский в архивах ВГЛК (1925–1929)» в журнале «Вопросы литературы» (2020, № 3).

хорошо, но мучился своей бездарностью, входил в литгруппу «Кузница»¹ и писал стихи. Они были настолько плохи, что я не помню из них ни одной строки, подражал Антокольскому, любил Пастернака за его возвышенность и непонятность, за вящую темноту и выпренность, и только лет через семь догадался, что «король-то голый» и что писатель только тогда имеет право на существование, когда уясняет другим неясное, а не превращает ясное в шараду. Наверно потому, что не понимал этого тогда, я и был бесплоден и безъязычен. Антокольского зато (раннего) люблю и сейчас².

Со мной учились: Гусев, Фин (Хальфин), Дм. Борисов, Аврущенко³ и другие. Почему-то самым талантливым я считал Борисова и мне до сих пор обидно, что из него ничего не вышло⁴. Этот период самый богатый впечатлениями в моей жизни. Спасая тонущую девицу, я прыгнул с мостков в шубе в Москва-реку, простудился и схватил верхушечный процесс в легких. Это сильно помешало моей учебе, но кончил я хорошо.

¹ Факт, говорящий о том, что юный Домбровский начинал среди пролетарских писателей. А случилось это так. В 1927 году студенты Литературных курсов организовали кружок, названный «Молодая Кузница», который вскоре присоединился к «Кузнице» «взрослой». В этом кружке с самого начала участвовал и Юрий Осипович. О советских взглядах писателя тех лет дополнительно свидетельствует анкета «Кузницы», а именно пункты №20–22. Отвечая на вопросы, желает ли он отображать жизнь рабочих и крестьян, разделяет ли он идеологию революционного пролетариата, Юрий Осипович сказал, что желает и разделяет вполне. Среди любимых авторов назвал М. Светлова, Р. Роллана, П. Антокольского, английскую писательницу Э. Войнич – автора романа «Овод», пользовавшегося огромной популярностью еще в предреволюционной России, И. Уткина и таких типичных пролетариев, как С. Обрадович, Н. Ляшко и М. Горький. См.: Анкета Ю.О. Домбровского. 1928 год // РГАЛИ. Ф. 1638. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 21–21 об.

² Об этом же позднее Домбровский напишет в эссе «Деревянный дом на улице Гоголя», впервые опубликованном в журнале «Простор» в 1973 году, только там он не скажет ни о своей любви к Д. Бедному в те годы, ни о «Кузнице».

³ За год до закрытия ВГЛК на всю Москву прогремела история с изнасилованием и самоубийством студентки этого самого вуза, а затем последовавший судебный процесс над тремя студентами, в числе которых был и В. Аврущенко. Этому эпизоду Домбровский посвятил несколько страниц «Факультета ненужных вещей». См.: «На черную доску, или Юрий Домбровский в архивах ВГЛК (1925–1929)».

⁴ Дмитрий Борисов активно печатался в газете «Молодой ленинец» (ныне «Московский комсомолец»). Вот одно из его стихотворений, которое было опубликовано в 1927 году в номере от 10 декабря:

На Кавказе

Присел на высоком откосе...
Как радуга даль широка,
Кустарник зеленые косы
Запутал в расселинах скал,
Усталостью ломит колени, –
А там из ущелий, внизу,
Дорогою горных ступеней
Холстины тумана ползут.
Но здесь, на кустах кизиловых
Разбрызганной кровью плоды
И вечер в рубахе лиловой
Шагает по шапкам седым,
Струей кизилового сока
Измазал рубаху себе,
И вот уже гостем далеким
Его принимает Казбек...
А я на зеленом бешмете
С дороги присел отдохнуть, –
Рукой-невидимкою ветер
Ласкает намокшую грудь.
И песня на губы приходит,
Волною высокой растет,
Затем, чтобы в горный колодец
Ее опрокинуть с высот.

В 1932 году поступил в ГИТИС¹ на театроведческое отделение и открыл для себя Шекспира, а Шекспир открыл для меня заново и искусство, и литературу, и, наконец, то, что и я смогу стать писателем. Из литературных влияний это самое прочное в моей жизни, и самое поднимающее. К сожалению, я и до сих пор смог по-настоящему прочесть и уяснить себе, то есть ассимилировать только очень небольшую часть его. Возвращаясь к нему постоянно и постоянно уношу все новое и новое. Читаю теперь семинар по Шекспиру².

В 1934 году³ был замешан в глупейшую, но скверную студенческую историю: мои пьяные товарищи побили стекла в одной квартире и сорвали флаг – я его не рвал, но пьяная компания пришла ко мне в дом и там флаг оставила⁴. Он валялся на виду, и я об нем не думал, ибо все понимал как простое хулиганство. Флаг сорвал Лавров⁵, он же и заявил на меня – я был выслан на три года в Алма-Ату⁶. Здесь я сразу же стал директором школы, сначала одной, потом другой, затем стал преподавать литературу.

¹ Тогда вуз назывался ЦЕТЕТИСом (Центральным техникумом театрального искусства). Поступил он в 1931-м, но учеба была прервана арестом, чуть позже Домбровский был отчислен.

² В личной карточке из закрытого личного дела местом работы указано Театральное училище, а годом начала работы – 1948-й. См.: Домбровский Ю. О. Личная карточка от 19 сентября 1948 года // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 1959. Л. 10.

³ В 1932-м; был арестован 20 сентября и приговорен 28 октября по статьям 58-10 и 58-11, а также 74 (агитация, попытка создания антисоветской группы литераторов, хулиганство). См.: Дуардович И. Юрий Домбровский: арест в Мертвом переулке // Вопросы литературы. 2019. № 3. С. 240–271.

⁴ Есть несколько версий этой истории, рассказанные и написанные Домбровским в разное время. Количество флагов и некоторые другие детали там меняются: речь то о нескольких флагах, то об одном, то Домбровский не рвал флаг, то все-таки рвал. Вот, например, пересказ в воспоминаниях Д. Портновой:

«Когда-то давно я спросила Гурина (прозвище, данное Домбровскому племянниками. – *И. Д.*):

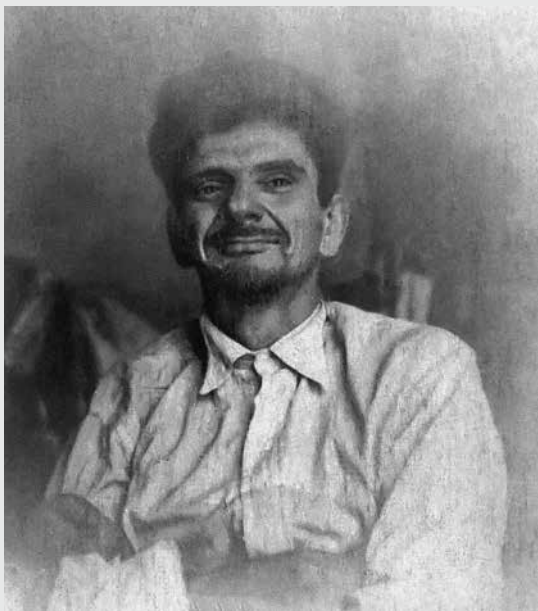
– А за что тебя арестовали в первый раз?

– Дело было так, – сказал он, слегка сощурив глаза, видимо, чтобы окунуться в воспоминания того праздничного октябрьского дня 1933 года. – Был солнечный теплый день. Вся Москва была украшена лозунгами, транспарантами, красными флагами. На каждом доме красовался кумачовый стяг. Мы с друзьями – веселье, молодые, знаешь, такие, которым “море по колено”, шли мимо знакомого дома по знакомой улице. В этом доме жила девушка, которая изменила одному нашему общему другу. На ее доме тоже развевался флаг. Под азартные, залихватские выкрики, что этот дом не достоин того, чтобы на нем красовался флаг, решили его сдернуть. Дело-то не хитрое. Я, как самый длинный, вырвал флаг из флагштока. Вот тут-то меня и задержали.

Было так – не было, ручаться не могу. Но эту историю мне поведал сам развеселившийся Гурин, в красках и в прихлопах по коленкам» (Портнова Д. О Юрии Домбровском. Воспоминания // Новый мир. 2017. № 7. С. 101).

⁵ В деле 1932 года единственным свидетелем обвинения был Борис Викторович Мельников (1909-?) – ровесник Юрия Осиповича, учившийся вместе с ним на Литературных курсах (ВЛК); и год поступления у него был тот же – 1926-й. В его обвинительных показаниях говорится о том, что Домбровский срывал флаги совместно с неким Ульяновым, а также сообщаются другие яркие подробности о хулиганах. Однако Домбровский никогда не вспоминал Мельникова и не винил в своем первом аресте. Вместо него он вспоминал поэта Леонида Алексеевича Лаврова (1906–1943), который упомянут сразу в двух автобиографиях (см. ниже). В 1935 году, спустя три года после посадки Домбровского, чей срок высылки в Казахстане к тому времени подходил к концу, Лаврова также арестуют и приговорят к трем годам ИТЛ – как раз «за участие в контрреволюционной группе» (по одному делу с Я. Смеляковым; напомним, что Домбровского в 1932 году приговорили сразу по двум пунктам 58-й статьи, в том числе по 11-му – за попытку создания антисоветской группы литераторов). Допросов самого Лаврова в деле 1932 года нет, хотя его в своих показаниях упоминают как Домбровский, так и Мельников.

⁶ Следователь управился с Домбровским всего за три дня (с 21 по 23 сентября), и все было почти готово – следствие практически завершилось. С молодым студентом, который был еще необстрелянным узником, долго возиться не пришлось, ведь он сразу во всем сознался, а потому и папка 1932 года, особенно в сравнении с поздними «Делами» писателя (1939 и 1949 годов), такая тонкая – всего двадцать листов.

↑
Домбровский после возвращения из сибирского лагеря. 1955 год. Фото Д.Ц. Портновой

→
«Смуглая леди». Издательство «Советский писатель», 1969 год

В 1938 году¹ написал роман (очень и очень посредственный), который тем не менее расхвалили и выпустили в двух изданиях. Единственно ценное в нем – это материалы о юности Державина. Роман очень нравился, но причины этого мне плохо понятны.

Работал в Музее Казахстана старшим научным сотрудником². Провел одну экспедицию и сделал большие и важные раскопки в районе Алма-Аты³.

В 1939 году был арестован исключительно за связь со Степаном Медведевым, который был в то время редактором газеты «Турксиб». Медведеву дали 25 лет, мне 8 лет по Особому совещанию. В 1941 году Медведев, оставшийся на материке, был освобожден, восстановлен в Партии; ныне он ответственный секретарь «Вестника Академии наук Казахской ССР»⁴.

В 1944 году по постановлению пленума Верховного суда был освобожден и вывезен с Колымы и я. Меня доставили на прежнее место жительства в Алма-Ате⁵. В 1945 году после моего выхода из госпиталя я по предложению УК КП(б)К, сделанному председателю Союза писателей Муканову⁶ был восстановлен в Союзе⁷.

После освобождения в дороге заболел, и как меня доставили в Алма-Ату, плохо помню, все болезни навалились на меня сразу, и я таким образом пе-

¹ В 1937-м.

² Работал в 1938–1939 годах вплоть до третьего ареста, произошедшего в Москве в августе 1939-го. См.: Дуардович И. Дело «Хранителя древностей» // Вопросы литературы. 2021. №4. С. 239–286.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ В 1943-м.

⁶ Сабит Муканович Муканов (1900–1973) – казахский писатель, литературовед, академик и общественный деятель. Домбровский перевел ряд его больших произведений, включая романы «Сыр-Дарья» и первую часть трилогии «Школа жизни».

⁷ В том же закрытом личном деле находится выписка из протокола заседания президиума Союза советских писателей Казахстана с решением о восстановлении Домбровского в членах СП. См.: Выписка из протокола от 28 сентября 1944 года // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 1959. Л. 38.

↑
«Хранитель древностей».
Издательство «Советская
Россия», 1966 год
→
Собор из романа «Хранитель
древностей»

ренес: тиф брюшной, сыпной, после сыпного пневмонию, затем воспаление мозга. Жил под камфарой. Окончилось все выздоровлением и эпилепсией, которая отняла у меня ноги.

Год лежал на постели на спине, почти недвижим. За это время в светлые промежутки написал свой большой антифашистский роман «Обезьяна приходит за своим черепом». Три года он лежал без движения и только случайно попал в Москву, где сразу был принят обновленной «Звездой» и «Московским рабочим»¹.

Во время другого приступа написал повесть о Шекспире «Смуглая леда». С 1944 года и считаю начало своей работы.

Сейчас работаю над вторым большим романом о советской науке и о Западе, о советском гуманизме и советской демократии как единственной движущей силе истории. Хочу кончить его хотя бы вчерне весной 1949 года, но вряд ли выдержу этот срок². Преподаю историю театра, перевел три вещи Муканова³.

Вот и все.

¹ Эти события предшествовали четвертому аресту (1949) – подробнее об этом см.: Дуардович И. Жалоба Юрия Домбровского Генеральному прокурору СССР // Вопросы литературы. 2021. № 6. С. 208–251; Дуардович И. Как женщина «выпрыгивала из юбки», чтобы его посадили. По материалам следствия Ю. Домбровского 1949 года // Вопросы литературы. 2023. № 1. С. 126–170.

² Имеется в виду антиамериканский роман «Дрогнувшая ночь», ставший подоплекой (сам роман в допросах не упоминается) четвертого ареста (1949). По словам Домбровского, ему были приписаны слова одного из героев о поражении Советского Союза в случае гипотетической войны с Америкой. Арест произошел в период антикосмополитской кампании. До ареста Домбровский успел написать две части романа. На сегодня «Дрогнувшая ночь» считается утерянной: писатель рассказывал, что подарил ее какому-то собирателю рукописей. Несколько страниц, однако, сохранились в уголовном деле 1949 года и были опубликованы вашим покорным слугой в журнале «Огонек» в 2019 году, в № 39 (с. 38–39).

³ Романы «Восхождение» и «Сыр-Дарья», а также пьесе «Приезжайте кушать плов». Подробнее читайте в упоминавшейся выше статье «Жалоба Юрия Домбровского Генеральному прокурору СССР» в «Вопросах литературы».

Автобиография 2

Писать о себе трудно всякому, мне особенно. Причины понятны.

Прожито уже немало, а, собственно говоря, рассказать нечего, вся моя жизнь уместается в несколько дат и строчек. Родился в Москве, 1909 год, 29 апреля¹, в семье адвоката и учительницы. Детство провел на Сретенке. Там в Костянском переулке и до сих пор стоит, как и стоял, большой пятиэтажный дом №14. Вот там на пятом этаже в квартире 24 я и вырос. Только тогда переулок этот назывался Стрелецким.

Что писать о детстве? Не люблю я его. Семья интеллигентская и интеллигентная, левая (отец был в свое время даже на поселении), мать преподает естествознание и увлекается Игорем Северяниным. Я умный ребенок. На рождение мне дарят «Сказки феи»² Бальмонта. У меня много книг, а читать я не умею. Выучился поздно, лет в 9, то есть в 1918 году. От той поры сохранилось воспоминание о ночных обысках, облавах, стрельбе на улицах. Выходить нельзя, свет в окнах зажигать нельзя, стреляют. Переселились в переднюю.

В 1919 году летом уезжаем в Самару. (У меня через все мои злоключения прошел такой документ: «Настоящим Всероссийский Центросоюз потребительских обществ (Центросоюз) удостоверяет, что Иосиф Витальевич Домбровский состоит сотрудником орг. отдела сего союза и командировается в г. Самару на постоянную службу. С И. В. Домбровским едут члены его семьи – жена 34 лет, Домбровский Юрий – 9 лет, Домбровская Наталья-Евдокия³ – 1 г., А. П. Прокофьева, тетка – 52 лет. Выдан этот документ 11 августа 1919 г.»)

В Самаре отец умер, матери, которая работала в университете, удалось выхлопотать командировку в Москву. Она уехала, оставив меня с бабушкой и «теткой» Анастасией Прокофьевной Прокофьевой – не теткой, а нянкой, выходившей меня с годичного возраста. Это была горбатая неграмотная старуха и подлинно великая женщина. Никому я больше не обязан в жизни, чем ей, и никогда не видел такое совершенное бескорыстное добро! Мать в командировке была все лето, все страшное голодное лето 1921 года. Когда она приехала, я уже не мог встать с постели. Осенью 1922 года мы выехали в Москву. Поселились в Мертвом переулке, что на Пречистенке (д. 14, кв. 5). Здесь кончилось мое детство и началась юность. Нехорошая, беспокойная, голодная юность. Мать вышла замуж за профессора Н. Ф. Слудского⁴, с которым я очень скоро сумел установить прямо-таки враждебные отношения...⁵

Совершенно непонятно, как и чем я жил, но все-таки сумел в 1926 году поступить на Высшие государственные литературные курсы (ВГЛК), а затем и в ГИТИС. Проучился до 1932 года, когда был арестован по доносу поэта Леонида Лаврова. Позже он посадил и Смелякова. Это был подлинно талантливый и по-настоящему несчастный человек. Настоящий человек из подполья (он и жил в подвале). Я ему отпускаю все его грехи, но с него моя

¹ По новому стилю – 12 мая.

² Правильно – «Фейные сказки».

³ Наталья-Евдокия Иосифовна Домбровская (1918–1943) – биографические сведения очень скудные, однако известно, что она страдала от душевной болезни (по словам Домбровского из медицинского заключения в уголовном деле 1939 года, это была шизофрения), и судьба ее сложилась трагически – пропала без вести и погибла.

⁴ Николай Федорович Слудский (1879–1945) – биолог, профессор, преподаватель.

⁵ В своей семье Домбровский был типичным Гамлетом. Интересно, ассоциировал ли он сам себя с героем английской трагедии, учитывая конфликт с матерью и отчимом? Шекспира, напомним, он по-настоящему открыл для себя в те же годы, учась в ЦЕТЕТИСе.

жизнь пошла уже по совсем иной линии. Я арестовывался в 1936-м¹, в 1939-м, в 1949 году – всегда по ложным обвинениям (у меня три реабилитации²). Был на Колыме, в Тайшете (Озерлаг), в бухте Находка, в Средне-бельском лагере. Дважды переплыл Лаперузский залив³. В промежутках между этим жил в Алма-Ате – сначала работал директором школы, потом в музее (этот период описан мной в романе «Хранитель древностей»). Писать начал с годов учебы, но писал стихи – и очень плохие и отвлеченные; первую книгу – прозу – выпустил в Алма-Ате. Это роман «Державин»⁴. КИХЛ (Казахское издательство художественной литературы), 1939 год, тираж 5000 экземпляров. Оделел всего I часть романа. История молодого Державина, его участие в подавлении Пугачевщины, юность бравого офицера-карателя. Следующий роман был напечатан в «Новом мире» в 1964 году. В 1966 году он вышел в США, в Токио, в Париже, Милане, Софии, Бухаресте, Варшаве, Праге. Сейчас у меня на столе лежит верстка четвертой книги «Смуглая леди». Три повести о Шекспире. Книга небольшая, но писал я ее свыше четверти века. Она не выходит в связи с тем, что я – так называемый «подписант», то есть подписался под письмом в ЦК, прося вмешаться в дело Гинзбурга⁵. Работаю уже второй год⁶ над продолжением «Хранителя древностей» – пишу книгу о праве «Факультет ненужных вещей». Проработаю еще года два (I книга кончена)⁷. Вот, кажется, все самое интересное, что могу сообщить о себе. Остальное, пожалуй, лежит за пределами литературы и времени.

12/II 69 г.

¹ В 1935-м.

² Дело 1932 года станет единственным, по которому писатель так и не будет оправдан при жизни, пока это наконец не случится в 1991 году, то есть спустя почти шестьдесят лет.

³ Пролив Лаперуза соединяет Японское и Охотское моря, это самая крайняя точка острова Сахалин.

⁴ В первых публикациях в журнале «Литературный Казахстан» (будущий «Простор») в 1938 году роман имел и другое название – «Крушение империи».

⁵ «Дело Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой», или «Процесс четырех», – один из известных политических процессов против диссидентов в СССР 1960-х годов. Книга «Смуглая леди» все-таки вышла в издательстве «Советский писатель» в 1969 году.

⁶ На самом деле пятый год: «Факультет...» был начат в конце 1964-го.

⁷ Проработал он в итоге еще шесть лет: в конце «Факультета...» поставлена символическая дата – 5 марта 1975 года, день годовщины смерти Сталина.